Зосимов Борис 11.06.94

«НЕГРОМКИЙ» ЗОСИМОВ

Моск правда - 1994 - 11 июня - с. 3

В нашем шоу-бизнесе специфика такова: "не просыхая", заняты выяснением, кто у кого шубу украл. Кто круче. Кто выше летает. Борис ЗОСИМОВ при циклопическом честолюбии исповедует линию поведения, кардинально отличную от той, какой держатся пенкосниматели. Цивилизованную, я хотел сказать.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

– Борис, вы в самом деле убеждены, что все люди, имеющие мало-мальское отношение к этой индустрии развлечений, неудавшиеся, несостоявшиеся музыканты?

– Да, я в этом уверен. Но давай договоримся: я говорю только за себя и делюсь только собственными мыслями и опытом. Я с 69-го года музицировал в разных ансамблях. Безумно хотел стать музыкантом, безумно! Музыка была пределом мечтаний, и я даже мысли не допускал, что не получится. Эта штука так манит тебя – сцена, свет прожекторов, цветы, девушки, которые тебя любят... Эх! В армии я тоже музицировал со страшной силой, сколотил свою группу, которую помпезно назвал "Генерал". Родители и юная невеста ходили меня слушать – классно все было!

– Я читал, что в армии вы "не устояли перед искушением" в виде партии.

– На самом деле меня по разнарядке "вступили" в партию. Я никогда не скрывал, что руководствовался банальным меркантильным желанием ходить в увольнения по субботам-воскресеньям: служил-то я в Москве... Вот ты спросил про партию, но почему-то никто не пишет, что я ушел из комсомола и из партии в 1981 году. У меня стояла запись в трудовой книжке: "Отдел культуры ЦК комсомола", а следующая запись: "Артист Ташкентского цирка на сцене". Я никогда не размахивал этим фактом как диссидентским флагом, никогда в жизни не считал себя инакомыслящим, потому что знать не знал, что это такое... Я, например, свято верил, что наши войска в Афганистане потому, что там есть большая-пребольшая гора Гиндукуш, на которую можно в два счета взгромоздить американскую ядерную бомбу, и она может достичь Москвы, и кто-то злой спит и видит, как бы все это провернуть. Мне на полном серьезе казалось, что, поскольку это единственное место в Азии, с которого в нас можно пальнуть и достать, то надо без колебаний идти туда и быть там, со страшной силой стоять на страже... Я верил в это во все! Пока со Славой Фетисовым, старинным моим другом, случайно не попал в московский госпиталь, где лечились наши "афганцы" без рук, без ног, без глаз. С этой минуты я возненавидел все, что связано с политикой этого государства. Этот момент, высокопарно скажем, прозрения не так легко объяснить, описать... Мы с Фетисовым до сих пор этот визит вспоминаем. Прозрение еще не абсолютное, но поход в госпиталь послужил очень крепкой встряской.

– Хоть сколь-нибудь коротко зная вас, можно предположить, что все негативные толки относительно яркого комсомольского прошлого вас не задевают?

– Не задевают. С комсомолом ведь тоже очень интересно вышло. Демобилизовавшись в 74-м, я просто не знал, куда податься. Жил я в Ленинградском районе и как-то раз проходил мимо райкома комсомола. Я и ввалился туда с вопросом, не нужны ли в столь почтенном учреждении молодые перспективные коммунисты. Меня спрашивают: "А в культуре ты чего-нибудь сечешь?" "Ну дак!" – вальяжно ответил я, давая понять, что я очень крут. Мне предложили должность инструктора отдела культуры. Вот, собственно, моя комсомольская карьера. Я пять лет оттрубил в райкоме комсомола и абсолютно этого не стесняюсь, потому что не совершил ничего, грубо говоря, противочеловеческого, что ли. Я учился все время, это была огромная школа общения с людьми, даже школа бизнеса в какой-то степени.

– Видите, какой вы хороший: употребляли свой "комсомолизм" исключительно во благо, учились хорошим вещам, а ведь другие...

– Мы же вроде договорились: я говорю за себя, о себе... Знаешь, быть комсомольцем руководящим и не стать подонком – это, между прочим, огромное искусство, потому что... ну, ты понимаешь, море соблазнов и так далее. Я, конечно, мучился страшно. Меня изводили, можно сказать даже грубее – уничтожали два образа жизни: днем я приходил на работу и спрашивал своих коллег хорошо поставленным голосом: "Иван Иваныч, отчет подготовлен или – не дай Бог – нет?" Спрашивал у какого-нибудь двадцатипятилетнего сопляка, и тот бодрячески отвечал: "Нет, Борис Гурьевич, отчет будет готов к 35-й годовщине незнамо чего". Я делал строгое лицо и как бы углублялся в бумаги. А вечером я шел в ночные модные рестораны (тогда – не надо думать – они тоже были), не был, мягко говоря, равнодушен к противоположному полу, бухался в постель в три – четыре часа ночи, а в восемь утра мне надо было уже идти обсуждать с Иван Иванычем отчет райкома комсомола к 28-й конференции, посвященной 129-й годовщине смерти какого-то чиновника. Вот это страшно ломало, понимаешь? Вот этого – при выдающихся своих выносливости и долготерпении – я уже выдержать не мог, поэтому в один прекрасный день, когда мой старинный друг Мелик-Пашаев, бывший в свое время менеджером "Машины времени", предложил мне восстанавливать "Воскресенье", я подал заявление и ушел.

– Вот так запросто можно было накатать заявление и уйти?

– Нет, конечно, был шум, крик. Все закончилось заседанием бюро...

Фактически моя менеджерская профессиональная жизнь началась в феврале 1981 года с администраторского хлеба.

ПРО СПАСЕНИЕ МАКАРЕВИЧА

– Пролейте свет на громкую историю спасения "Машины времени": помню даже лихой заголовок в столичном журнале "Я спас..." Что-то Макаревич, правда, молчит на эту тему.

– Это глупость была немалая! Это из контекста вынутая громкая фраза... Мне тогда принесли совершенно нормальный материал, но без заголовка. А потом, когда я увидел этот заголовок, я не то что обиделся, на журналистов вообще не обижаются, но я просто сказал: "Вася, ты не прав!" Я спасением "Машины" не бравировал никогда.

– Но значит, сам факт "имел место", так?

– Их расформировали, хотели прихлопнуть. В общем, был самый, мне кажется, для "Машины" момент, и я бросился, крикнул: "Нет! Я отвечаю своим партийным билетом. Отдайте их мне, обещаю вам, что они будут петь комсомольские песни..." И Андрюха Макаревич со товарищи стал как бы ансамблем Ленинградского райкома комсомола... Что касается Макаревича, я не слышал, чтобы он этот факт отрицал.

Но для меня спасение "Машины" не есть этап пути. Это эпизод биографии, не более. А из-за того газетного заголовка это как бы стало моей визитной карточкой. Иметь главной заслугой спасение "МВ" – это на уровне администратора, который пробивается в Тамбовской области (не в обиду Тамбовской области будет сказано).

– Вот прочтет эти слова Макаревич и...

– Я, кстати, извинился перед Макаревичем, потому что чувствую себя крайне неудобно, когда меня кто-то пытается обвинить в том, что я присваиваю себе чужие заслуги. А я и свои-то заслуги недостаточно раскрываю подчас – это форма моей работы, мои тактика и стратегия.

О СВИНСТВАХ

– Злопамятства во мне нет, это я могу сказать определенно, хотя свинств в отношении меня было допущено столько, что... Если это свинство выходит за рамки, я запоминаю и пытаюсь возможными мне способами и методами на это свинство ответить. Но учти: не имеется в виду отрывание голов, рук и так далее. Достаточно телефонного звонка, чтобы... Все-таки со мной считаются в этом мире. Слава Богу, я доказал, что из себя представляю что-то. Есть... опять-таки не клан, не мафия какая-нибудь, а несколько людей, которые появились в этом бизнесе и определяют, так скажем, политику. Поэтому человеку, нахамившему мне каким-то образом, придется несладко.

...Смотри, какая произошла диковинная трансформация: был Боря Зосимов – записной тусовщик, душа общества, все его знали, все любили, потому что малый он был симпатичный, очаровательный, скажем так, незатейливый, любивший гульнуть в ресторанах, любящий женское общество... И вдруг Боря Зосимов в 89-м году поимел наглость начать делать свой бизнес! Беспрецедентный нахал. Первая реакция: "Ну, поиграется – бросит". Бросать я не намеревался, и когда хватились и поняли-таки, что замах у меня нешуточный, появилась злость. Таких прорывов не прощают.

– Злость материализовалась?

– Машину мне спалили. С этого началась прямая агрессия. Качки дежурили у подъезда, дома не ночевал неделю – все было, все прошел. Неделя была такая, что не дай Бог кому-нибудь или мне заново еще раз такое пережить.

– Единственный вопрос: почему только неделю длилась агрессия, чем вы их остановили?

– Вот сейчас я тебе все и рассказал! Остановил.

– Ну и?

– А что "ну и"? Не просчитали, что стану тем, кем стал. Думали: вот напугаем, перетрухнет. Ведь множество примеров, когда человек со страха спрятался.

– Не впервой слышу такое суждение. Но ни разу не встречал хоть одной названной фамилии. Все ограничивается абстракцией.

– Саша Шульгин (супруг и продюсер Валерии. – О.К.) мог бы быть в этой стране одним из нас! То есть по всем его задаткам...

– Но у Шульгина, мне кажется, все в порядке. Он занят той, "которую все ждали".

– Его в Москву привез я. Из Иркутска, с гастролей. Понравился мне безумно парень семнадцатилетний – энергией, улыбкой... Я искал к тому времени партнера. Понимал: одному в таком бизнесе будет сложно, не поднять, нужно искать кого-то рядом, человека или людей, с которыми можно будет делать бизнес. Тут Саша и подвернулся. Он два года жил у меня в Москве, я ввел его в этот бизнес, устроил его в группу "Круиз", которую он с успехом потом развалил... Он не состоялся – так грустно можно определить... Потом Шульгин стал заниматься собственным бизнесом, самостоятельным. И что-то его здорово напугало, и он резко остановился. И он меня даже не пригласил на свадьбу... Я могу сказать только одно: в силу того, что я очень хорошо знаю Сашу как человека, знаю "вдоль и поперек", мне хорошо известно, что там происходит, даже не вникая: чем этот альянс движется, как он движется, почему он движется... Он очень способный, очень энергичный, умеющий обаять и понравиться, если это надо. Он мог, повторяю, стать одним из... как сейчас называют? Акул, да?

АКУЛЬИ ИГРЫ

– А то вы не знаете. Вы же один из этого – короткого – ряда. "Акульего". Лучше подтвердите: итак, между нами, "акулами", борьба, но без кулаков?

– Какие кулаки? Это несерьезно – на таком уровне. Здесь все решают деньги и мозги. Интеллект.

– Заметьте: вы сами на первое место поставили капиталы.

– Я бы мог сказать, что оговорился или что оба эти компонента важны в равной мере... а может, и в равной.

– Вот и вырулили на неминучую тему – деньги. Попробуйте убедить меня , что у вас негусто по этой части, давайте...

– Какая, однако, ехидца! Но как бы ты ни иронизировал по этому поводу, могу сказать, что я считаю себя крутым. Во-первых, мое дело настолько объемно, что на вопрос о доходах я не знаю, как отвечать – просто не в курсе, сколько зарабатываю. Потом, совершенно естественно, что деньги, которые выручаются, тут за небольшим вычетом уходят в бизнес, требующий – потому и бизнесом, собственно, зовется – постоянных инъекций. Двухкомнатная квартира.

– Зато есть красавица жена и ресторанчик приватный, так?

– Еще раз хочу вот что подчеркнуть: мне пафос в этом смысле чужд. Я не считаю непременными атрибутами истинной крутости ангар машин, виллу на Канарах, сто телохранителей, уйму цацок, гарем какой-нибудь... Слава Богу, у меня другие представления о крутости.

– Я забыл спросить, какую марку у вас похерили огнем?

– О-о, для тех дней это был предел мечтаний – шикарнейший "Форд-Сьерра". Но мне не по душе эта тема...

– Борис, хотелось бы поподробнее потолковать о человеческих отношениях между вами, продюсерами.

– А кто сказал, что я продюсер? Обычно я называюсь "дилмейкер". Что я не продюсер – это точно.

– Но я же сам слышал, как вы (или, выходит, "вас"?) участвовали в номинации "Лучший продюсер года".

– С тем же успехом меня могли назвать в номинации "Лучший химик страны", от этого суть не меняется. Это абсолютное недоразумение. Какой к черту... я в жизни не отгадаю, станет человек звездой или нет. Продюсер у нас в стране один. И зовут его Бари Алибасов. Это человек, который воплощает в жизнь то, что он видит.

– Позвольте, а Юрий Айзеншпис?

– Юра? Юра – совершенно блестящий администратор, блестящий, непревзойденный менеджер. Но... он раскручивает в первую голову себя. Имеет, между прочим, на такой подход полное право. И дай ему Бог, я его очень уважаю.

– Но вы – уважая – отказываете ему в том, что за ним давно признано всеми. Он ежегодно признается первым продюсером, а вы говорите, что первый Алибасов, а Юрий – менеджер, озабоченный лишь раскруткой своего имени.

– Я объясню относительно "раскрутки своего имени", и ты поймешь, что это неизбежно. Когда человек энное количество лет был оторван от всего, был всего лишен в силу в данном случае малоприятных обстоятельств (это мягко сказано), он недополучил то, что мы получали в достаточных дозах, и, может быть, если бы я оказался на его месте, я бы так же безудержно этим занимался бы. Я его отлично понимаю. К сожалению великому, конкуренты у меня совершенно другие, чем те, о ком вы думаете. Лисовский абсолютно не конкурент, например. Развлекательный бизнес – очень сложный бизнес. Это очень рискованные деньги. Он занимается тем, чем я занимаюсь как бы между прочим. Объясню на пальцах: у нас в стране шоу-бизнес – это концертная деятельность. И от нее на первой стадии никуда не деться, потому что она и есть первая стадия. И я судорожно, стало быть, вынужден был этим заниматься, но в общем спектре развлекательного бизнеса это малюсенький, самый неблагодарный участок. Самый неблагодарный! Это самые низкие заработки. Это знаешь, что значит? Это значит – подтирать носы артистам, быть у них, у их прихотей, на поводу. И все это мне нужно было лишь на определенном этапе, пока внутри меня не созрели и потребность жгучая, и осознание того, что "потяну", – сделать следующий шаг. И теперь я могу совершенно точно и твердо сказать, что я раз и навсегда завязал с концертным бизнесом. Судя по всему, я даже "Эйс оф Бейс" кому-нибудь отдам – к этому идет. Этот бизнес не то что не приносит денег... давай скажем так: это не мой уровень. Этим другие люди должны заниматься, и они этим занимаются, и дай им Бог здоровья. Но я вышел из этой игры. В начале 93-го года мне надо было как-то напомнить о себе, и я провел несколько концертов, которые оказались однозначно убыточными, и сейчас из-за них мне приходится доказывать, что это не мой, а чужеродный для меня бизнес, я к нему никакого отношения не имею. Это этап, который я прошел. К чему я столь пространно об этом? К тому, чтобы подвести к умозаключению следующему: тождественную эволюцию пережили и Лисовский, и Намин.

– И все же в вашем мире немыслимы не то что дружба, но и ровные отношения. Ведь конкуренция – это синоним вражды.

– Бред. Почему? Мы были очень долгое время со Стасом врагами. Но ни одной секунды он мне не был неприятен по-человечески. У меня не было антипатии к Намину. Никогда. У меня не было никогда антипатии к Лисовскому, хотя человек он невероятно сложный и с ним очень непросто работать. Есть много нюансов, с которыми сопряжено наше сотрудничество – когда оно случается... Но мы не дети, чтобы не понимать, что какие-то вещи требуют объединения... Так что антипатии не было, напротив: у меня всегда было огромное уважение к людям, которые делают свое дело. Легче всего взять одного артиста – упреждаю: я не Юру имею в виду! – кричать об этом, носиться с ним, как с писаной торбой, но поднять дело сложнее всего. Вот эти люди поднимают большие дела. Плюс Алибасов, которого я безмерно уважаю, к сожалению, очень мало его знаю. У меня нет такого: если он мой конкурент – он мой враг. Это бред. Вот, например, Владимир Киселев. Он открытым текстом оскорбил меня в "Столице". Ну будь я на уровне Киселева, я так же хамски ему бы ответил. Но я, слава Богу, другой породы, и я не стал этого делать в такой же тональности. Я написал благородный ответ. Вот к Киселеву у меня – да, есть личная антипатия, потому что я его слишком хорошо знаю. Но! Но если вдруг возникнет ситуация реального, интересного бизнеса, я никогда от этого не откажусь. И не с позиции даже "сделать деньги", а с позиции перспективы. Но шансов, правду сказать, маловато.

– Вы не сказали более развернуто о Намине.

– Стас – тоже не подарок, но с другой стороны, кто из нас не сложен? Но правда в том, что до тех пор, пока я, как уже говорил, был просто "клевым малым" и не подался в бизнес, он очень хорошо ко мне относился, очень хорошо. Но когда я стал заниматься делом, все кончилось. Имею в виду его отношение ко мне. Просто "свой парень" – и вдруг конкурент? Подобное такими людьми не прощается. Потому что Стас к тому времени был единственным на этом поприще. Стас – продукт определенного воспитания, и многое ему удалось сделать одним телефонным звонком, у меня уходили месяцы и годы на то, на что у Стаса уходил один звонок.

ЗА ПОЛИТИКУ

– Бизнес – очень специфическая штука, он основан в первую очередь на дипломатии. Во всяком случае он очень близок к дипломатии. Во мне, кажется, умер министр иностранных дел.

– Жалко: при нынешней-то ситуации...

– А что нынешняя? Нынешняя тоже ничего, мне Козырев нравится... Так вот, к сожалению, наш бизнес основан на лицемерии. И это не только у нас так заведено, это во всем мире так. Во всем мире Николаев улыбается Матецкому, они целуются, но они – прямые конкуренты. Во всем мире один артист целует другого, и если они оба неудачливые, они друзья. Во всем мире администратор ненавидит своего артиста, но артист платит ему взаимностью и подозревает его в воровстве. От этого никуда не деться, поэтому честным нужно быть в деньгах – это однозначно. Это железно. У меня в фирме это есть. В других – пока не так все гладко, но это будет, к этому придут все. Ибо по-другому невозможно. Финансовая порядочность – это первостепенное.

– Объясните мне еще, почему вы так "тихи" в рекламе? Конечно, я догадываюсь, что такую линию поведения диктует стратегия, которую вы исповедуете, но вы не боитесь оказаться в обозе, на задворках?

– Почему я "тих", по-моему, это вытекает из всего вышесказанного. Я умышленно медленно и негромко веду свое дело, потому что знаю: я не буду единственным в этой стране на этом поприще, но я буду одним из первых, кто станет работать цивилизованно.

ЗОСИМОВ И СМИ – КОНТРЫ?

– Я отродясь не ходил по редакциям, не названивал, не брал под ручку кого-нибудь, чтобы проникновенным голосом попросить: "Вась, напиши обо мне, а?" Потому что я и на этот счет знал, что если все буду делать как надо, не изменяя себе, – это само по себе будет, придет. Меня в первую очередь интересует не моя раскрутка, а BIZ, понимаешь? Настолько серьезный у меня бизнес, что он абсолютно не предполагает помпы и трескотни. И хотя я человек не среднего, если честно, честолюбия, я "дорос" до понимания, что иногда важнее, чтобы о твоем деле знали человек десять (конечно, это условная цифра).

– Это я уже понял. Но что делать с теми "монстрами", которые вас в упор не видели и не видят, – например, "МузОбоз"? Вообще говорят, что вы ненавидите лютой ненавистью телевидение. Наверно, в обиде на него?

– Отношение, конечно, заострено, но близко к правде. Да, "МузОбоз" меня не замечает. И Бог с ним. Не упоминать меня только потому, что я не вхожу в определенный клан, – не знаю, что сказать по этому поводу... А что до общего моего отношения к ТВ, то – да, я считаю, что брать деньги с артиста грешно, это очень большой грех. Найти рекламодателя сложнее. Все очень непросто. Но иначе нельзя. Почему мы не берем денег вообще? Потому что мы их зарабатываем на рекламе?

– Вернемся к "МузОбозу": все-таки это, что там ни говори, как бы точка отсчета, причем неизменная, в разговорах на тему "музыка на ТВ".

– Раньше я гораздо жестче относился к Ване Демидову, хотя и признавал, что он очень талантливый человек.

– Да уж я помню. "В конце концов я понял, что музыку он действительно не любит, более того, ничего в ней не понимает, на мой взгляд. Или он просто делает деньги", – это я вас цитирую, Борис.

– Да-да! Я до сих пор держусь мнения, что Демидов работает на Васю из Урюпинска. Но теперь, некоторое время спустя, я ушел от простых оценок. Да, он работает на, условно говоря, парня из Хабаровска. Но его позиция сегодня – самая перспективная, потому что Демидов умный. Он умный, а значит, он не может не понимать, что планку надо будет поднимать уже в ближайшее время. Пусть негромко, пусть исподволь, но поднимать. Это неизбежно. И есть надежда, что сам Демидов это осознает... А этот их "Поп-лист"! Это потрясающее зеркало музыкальных умонастроений, и я ему за него благодарен и считаю, что за такое исследование ему еще и заплатить надо. Увы, поменялось отношение к прежде любимой "Программе А". Визуально – это кайф, это высокий класс. Но они же, эти двадцать человек, устраивают, сидя в студии, свои детские праздники, и им теперь начхать на тех, кто сидит у экранов. Они никогда не брали денег с артистов, и я их за это бесконечно уважал. Но передача вырождается из-за этих "детских праздников"... А о всяких "звездных дождях" я и говорить не буду, потому что это вообще по ту сторону добра и зла.

СЕМЕЙНАЯ "КОРПОРЕЙШН"

– Это правда, что у вас работают и папа с мамой, и экс-благоверная, и нынешняя супруга?

– Правда.

– А куда запропастилась Лена, ваша дочь, которая, было время, обнаружила притязания на певческую карьеру?

– Она так относилась к этому делу, что я отказался от помощи. Мне казалось, что – навсегда. Она очень славная девочка, симпатичная, но она не хотела работать, она была не готова к тому, о чем грезила... И она ужасно обиделась, когда я сказал, что все, хватит, что нельзя пользоваться тем, что само в руки плывет, что нужно безумное желание, помноженное на безумное трудолюбие. Я говорил ей, что мало смазливости, нужен голос, нужно учиться, и ведь есть, есть возможность! Вот такой был резкий разговор... Вдруг недавно она "попросилась обратно". Утверждает, что настроена очень серьезно. Посмотрим. Я берусь помочь (она убедила меня), но если она... не будет работать над собой, никакие соображения не заставят меня с ней возиться.

Отар КУШАНАШВИЛИ.

Фото Василия КУДРЯВЦЕВА.